

УДК 82

**ДРАМА Е.Д. БУБНОВОЙ «БЕЗУПРЕЧНАЯ»
И ДРАМА М. ГОРЬКОГО «НА ДНЕ»: К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ**

© 2011 г.

А.Н. Таланова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

tango7@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.07.2010

Рассматривается типологическое сходство двух литературных явлений начала XX века: драмы Е. Бубновой «Безупречная» и драмы М. Горького «На дне», проводится сопоставительный анализ драматических текстов.

Ключевые слова: Бубнова, драматургия, драма, «Безупречная», Горький, «На дне», типология, сюжет, творческий импульс.

Вот уже более ста лет вокруг «философствующей ночлежки» М. Горького не утихают споры. Одна из тем литературоведческих дискуссий – генезис образа ночлежки Костылева. Среди вариантов, предлагаемых исследователями, есть реальные исторические прототипы (например, «Сухой овраг» московской «Хивы», нижегородский ночлежный дом Бугрова, казанская «Марусовка» [1] и литературные (художественные образы «дна нашей жизни», созданные П. Якубовичем-Мельшиным, Ф. Достоевским, А. Чеховым и В. Короленко) [2]. В данной статье речь пойдет еще об одном возможном литературном прообразе. Важно то, что он также имеет нижегородские (!) корни и, самое главное, типологически близок к горьковскому произведению.

В 1900–1901 гг. в нижегородских типографиях Машистова и Ржосницкого вышло 14 пьес нижегородской писательницы-драматурга Е.Д. Бубновой¹: «Звезды» (1900), «Забытое племя» (1900), «Урядничиха» (1900), «Предел» (1900), «Перелетные птицы» (1900), «Вдовья доля» (1900), «Грезы» (1900), «Грешница» (1901), «Доля артиста» (1900), «Ефалия» (1900), «Старое предание» (1901), «Артист и его доля» (1901), «Безупречная» (1901), «Недужный» (1901). Вероятнее всего, создавались они на протяжении многих лет, и только в 1900–1901 гг., когда у автора появилась материальная возможность, были опубликованы все сразу².

Драма «Безупречная» буквально выбивается из вереницы бубновских произведений: она довольно логично продумана и выстроена, в ней нет темы театра, столь любимой драматургом, а ее проблематика может быть актуальной и в наше время. Кроме того, в тексте пьесы про-

слеживаются общие тенденции литературного процесса, связанные со всплеском женской драматургии на рубеже XIX–XX вв.

Действие пьесы «Безупречная» происходит в конце XIX века в Нижнем Новгороде и его окрестностях, структура сюжета складывается из трех линий.

Первая сюжетная линия связана с дочкой небогатого чиновника Кремнева Еленой – молодой женщиной 20 лет. Елена образованна, но на жизнь она вынуждена зарабатывать шитьем. У нее есть внебрачный ребенок от мужчины, который не собирается жениться на ней и брать на себя ответственность за семью. Елена, узнав о том, что Валерьян намерен покинуть ее, с гордостью произносит: «Я – раба Ваша... Но только Ваша! Если в другой раз судьба заставит меня встать в такое положение и вытолкнет меня на дорогу к пороку и позору, я не буду повиноваться, а буду повелевать и властвовать!» [3, с. 14]. Валерьян в свою очередь несколько раз произносит реплики, в которых образование Елены становится не ее достоинством, но недостатком. По его мнению, она «слишком умная». Как и многие из бубновских героинь, Елена не унижается, не просит и в результате находит свое счастье в браке с другим, более достойным, чем её бывший избранник, человеком.

Вторая сюжетная линия «Безупречной» продолжает тему женской независимости. Эта «центральная» линия связана с молодой наследницей огромного состояния – «безупречной», как называют ее окружающие, Татьяной Северовой, которая старается жить не только для себя: «приносить пользу по силе возможности» [3, с. 31]. В линии Татьяны оказывается важен не любовный конфликт, а со-

циально-психологический: она прежде всего озабочена организацией школ для бедняков, улучшением жизни рабочих завода, в словах героини часто проскальзывают интонации, знакомые нам по репликам чеховских Ани и Пети из «Вишневого сада» о «новых людях» (хотя «Вишневый сад» был написан позднее, чем «Безупречная», в 1904 году). Так, Таня говорит любовнику своей матери: «Вам, генерал, не надоело говорить избитыми фразами прошлого столетия; мы люди новые и стараемся все старое оставить в прошлом» [3, с. 37]. Следующая реплика будет обращена к матери: «Мама, старое нельзя назвать новым; всякий берет свое: Вы и Виктор Алексеевич отжили, а мы хотим только еще жить» [3, с. 38]. Присутствие подобных интонаций в произведении драматурга-женщины из патриархальной купеческой среды, какой является Е.Д. Бубнова, чрезвычайно интересно. Кроме того, «женский вопрос» затрагивается в любой из бубновских драм. Такое пристальное внимание к гендерным проблемам можно назвать практически единственным в нижегородском литературном процессе XIX века.

Однако самой интригующей в историко-литературном плане оказывается третья сюжетная линия, связанная с братом Елены Кремневой, Василием. Событиям этой линии посвящено четвертое действие «Безупречной». Драматическая ситуация, лежащая в основе этого действия, вполне успешно могла бы перерасти в сюжет отдельного произведения.

В плане идейно-эмоциональном, а также событийном это действие вызывает явную ассоциацию с пьесой А.М. Горького «На дне» и говорит если не о генетической, то о типологической близости произведений. Основой её является сходство отображаемых в этих драмах жизненных процессов, что проявляется, в первую очередь, на проблемно-тематическом и структурном уровнях.

События четвертого действия драмы Е. Бубновой разворачиваются на «Миллионке» [3, с. 59], под стенами Нижегородского кремля, в «жилище нищих» – месте, где среди «золотой роты» нашел себе приют спившийся Василий Кремнев. Заметим, что жилище бубновских персонажей территориально близко к реальной ночлежке купца Бугрова.

Некоторые сходные моменты в пьесах, безусловно, объясняются их нижегородской спецификой. Так, например, нижегородское³ прозвище босяков «золотая рота» встречается как у Горького, так и у Бубновой. В пьесе «Безупречная» читаем:

Доля. Чего над людьми смеяться: сама не лучше нас! Цветы надела, думаешь: дороже оттого стала.

Пчелка. Всем цена одинаковая, кто в миллионной живет; куда не поди: одно название; «Золотая рота»...А нас еще чище называют. [3, с. 59].

В пьесе Горького на реплику Васьки Пепла: «Живут же люди...» – Клещ отвечает: «Эти? Какие они люди? Рвань, золотая рота» [4, с. 107].

Интересно, что вступительная ремарка к пьесе «На дне» перекликается с ремаркой, открывающей четвертое действие «Безупречной»: каждая из них начинается с описания места происходящего действия, а именно *подвала*. Правда, бубновская ремарка лаконичнее горьковской, ее цель – только описать место действия:

«Жилище нищих. Подвал сырой, темный; направо нары и грязные скамейки, налево два маленьких окна с разбитыми стеклами; налево стол, около него лавка, на столе четвертная бутылка водки, хлеб, в бумаге колбаса, селедка, кружки» [3, с. 53].

Вступительная ремарка к «На дне» более развернута: кроме описания общего места действия, есть и его территориальное деление: ведь каждый из персонажей занимает определенное положение не только в физическом, но и в межличностном пространстве ночлежки: «Подвал, похожий на пещеру. Потолок – тяжелые, каменные своды, закопченные, с обвалившейся штукатуркой. Свет – от зрителя и, сверху вниз, – из квадратного окна с правой стороны. Правый угол занят отгороженной тонкими переборками комнатой Пепла, около двери в эту комнату – нары Бубнова. В левом углу – большая русская печь, в левой, каменной, стене – дверь в кухню, где живут Квашня, Барон, Настя. Между печью и дверью у стены – широкая кровать, закрытая грязным ситцевым пологом. Везде по стенам – нары. На переднем плане у левой стены – обрубок дерева с тисками и маленькой наковальней, прикрепленными к нему, и другой, пониже первого. На последнем – перед наковальней – сидит Клещ, примеряя ключи к старым замкам. У ног его – две большие связки разных ключей, надетых на кольца из проволоки, исковерканный самовар из жести, молоток, подпилки. Посредине ночлежки – большой стол, две скамьи, табурет, все – некрашеное и грязное. За столом, у самовара, Квашня – хозяйничает, Барон жует черный хлеб и Настя, на табурете, читает, облокотясь на стол, растрепанную книжку. На постели, закрытая пологом,

кашляет Анна. Бубнов, сидя на нарах, примеряет на болванке для шапок, зажатой в коленях, старые, распоротые брюки, соображая, как нужно кроить. Около него – изодранная картонка из-под шляпы – для козырьков, куски клеенки, тряпье. Сатин только что проснулся, лежит на нарах и – рычит. На печке, невидимый, возится и кашляет Актер» [4, с. 97].

Учитывая время издания исследуемых произведений, можно говорить о том, что Е.Д. Бубнова, создавая образ ночлежки, населенной «бывшими людьми», опередила в этом отношении М. Горького, с именем которого обычно связывается эта тема. Изображение замкнутого круга людей, выброшенных из жизни, позволило Бубновой создать внутренний драматический конфликт человека с самим собой и обратить внимание читателя на проблемы социального «дна». Хотя стоит заметить, что Бубновой не хватает мастерства для создания глубоко драматичных характеров, философского осмысления проблемы.

Типологические связи между пьесами Бубновой и Горького прослеживаются и на уровне системы персонажей. Герои 4-го действия драмы «Безупречная» чрезвычайно схожи с горьковскими: все они «бывшие люди». Подпрыгин – бывший директор банка, Матрена – бывшая артистка, Доля – «барское отродье», Ветров – отставной поручик, дворянин Тамбовской губернии, Ерш – бывший семинарист... Ветров вспоминает прошлую красивую жизнь, но ему, так же как и горьковским Насте и Барону, не верят и подтрунивают над ними.

Интересно, что, так же как и в горьковской пьесе, среди «бывших людей» «Безупречной» есть проститутка (Соня), читающая книги и находящая в них утешение:

Соня. (подходит к Васе) Теперь и книжку некому мне дать!

Вася. А, дочь нищеты и позора, ты в книгах ищешь утешения; иди к дамам-благотворительницам, пади в прах перед ними, может быть, они сжалятся над падшей и дадут тебе от щедрот своих трехкопеечную книжку о царе Салтане и его семи женах... [3, с. 71]

Образ проститутки, мечтающей о женском счастье, нашедшей для себя «виртуальный выход» за пределы жизни в ночлежке, весьма драматичен и придает пьесе Е.Д. Бубновой некоторую психологическую глубину.

Типологическое сходство можно обнаружить не только между персонажами, но и между отдельными сценами драм. Так, например, близки сцены, в которых бывшие служители Мельпомены (Матрена в «Безупречной», Актер

в «На дне») вспоминают свое прошлое. Актер пытается декламировать ускользящее из его памяти стихотворение, так и не вспомнив его, а Матрена демонстрирует обитателям ночлежки свое ресторанное выступление, пользовавшееся когда-то популярностью [3, с. 60–61]. И Матрене, и Актеру хочется доказать своим сегодняшним «коллегам» и, прежде всего, самим себе, что и они были кому-то интересны и нужны.

«Бывшие люди» Бубновой несчастны, но изменить свою жизнь им тяжело: они боятся перемен: так, Ветров боится вернуться к матери, которая где-то переживает за него, а Кремнев страшится покинуть подвал, потому что тот скрывает его от «насмешек и порицаний людей» [3, с. 71]. «Мне жаль оставлять эти сырые и грязные стены», – говорит он своим «товарищам», – «света и солнца я боюсь!» [3, с. 71]. Тема солнца в 4-м действии «Безупречной» трагифицируется Бубновой неоднократно, таким образом создается контраст между жилищем нищих и окружающим его внешним миром. Так, Вася Кремнев отвечает своей сестре Елене:

Вася. Душно... Темно... Солнца не видно никогда, но и здесь живут люди, Лена, и здесь есть мысль, разум, сознание... [3, с. 69]

Солнце становится символом светлой, действительно *человеческой* жизни, о которой вспоминают или мечтают нищие. Интересно, что одно из рабочих названий горьковской драмы также было связано с солнцем («Без солнца»).

Шанс выйти из подвала и «увидеть солнце» есть как у бубновских, так и у горьковских персонажей. Но, чтобы это сделать, нужно совершить труднейший поступок: измениться самому. Не только «среда» (один из любимых концептов Бубновой) виновата в социальном падении героев, но и они сами, их личностные качества. Так, например, лень становится одной из причин, погубивших «золотую роту» Бубновой и Горького.

Ерш. Поздно!... Плохо здесь, гадко, грязь, нищета, но на своей воле, ничем не связан, никого не знай!.. Упал, – встать трудно; грязь не дает силы встать. Лень. Безделье, как за дело приняться! Страшно!» [3, с. 56]

Бубнов. Только... мастерская-то на жену была... и остался я – как видишь! Хоть, по правде говоря, пропилил бы я мастерскую... Запой у меня, видишь ли...

Лука. Запой? А-а!

Бубнов. Злющий запой! Как начну я заливать – весь пропьюсь, одна кожа остается... И еще – ленив я. Страсть как работать не люблю!.. [4, с. 146]

Типичная для русской литературы тема «маленького человека» приобретает в «Безупречной» исповедальный характер. Пламенная речь Ерша, обращенная к Елене Кремневой, включает в себя признание человеческого падения, но в то же время несогласие с тем положением, в котором оказались «золоторотники»:

Ерш. Кто здесь? – Обездоленные. Несправедливость, подлость, ложь, гонят нас сюда, в жилище нищеты и порока! Нас боятся, избегают, смотрят с презрением! Кто заговорит с нами, как с человеком! Одно слово «Золотая рота» приводит в ужас! Поймут-ли люди, что у нас тоже была честь, совесть, чувство... И все это глубоко зарыто; мы теперь боимся сами себе признаться, что у нас были также чувства; мы их душим в себе, заливаем вином, заглушаем развратом, но не всегда, угар проходит, и у нас является сознание нашего падения; злоба душит, кровь кипит, но все бессильно: мы отверженные! [3, с. 60]

Ни в одной из бубновских драм не будет больше такой яростной защиты павшего человека. Будут нищие, бедные актеры, деревенские дурочки, пьяницы, но это будет лишь окружение, «среда» ее главных героинь – женщин, мечтающих о личной свободе. И только в «Безупречной», переключившись с ведущей женской темы, Бубнова остановит свое внимание на ночлежке и ее обитателях и начнет доказывать, что они тоже люди:

Подпрыгин. Хорошо, что об нем есть кому жалеть, а мы здесь живем всеми забытые, обездоленные, отвергнутые, люди ли мы или подобие людей, мы себе на это не ответим. Содрогаться можно, придти в ужас от мысли только, как человек, разумное создание, может пасть так низко, позорно, что не только около него, вокруг его, а даже в нем самом пропитано пороком...И грехом...Да, сударыня, мы – люди! [3, с. 66–67].

Если принять во внимание тот факт, что оба автора были нижегородцами, а их произведения были изданы друг за другом: «Безупречная» в 1901 (хотя написана, как мы уже замечали, скорее всего, раньше), а «На дне» в 1902 году, то встает вопрос не только о типологических, но и о генетических связях между драмами. Однако нам не удалось обнаружить факты, подтверждающие, что Горький был знаком с текстом пьесы, и говорящие о том, что художественный набросок «дна нашей жизни», сделанный Бубновой, возможно, стал своеобразным импульсом, подтолкнувшим его творческое мышление к созданию художественно

законченного образа. Поэтому утверждать наличие генетической взаимосвязи между произведениями Е. Бубновой и М. Горького было бы неправомерно. Однако типологические сходства, на наш взгляд, неоспоримы.

С одной стороны, в начале 1900-х Алексей Максимович жил в Нижнем Новгороде, был в центре литературной жизни города. Столь масштабный выход бубновских произведений, как нам кажется, не мог не обратить на себя внимание человека, интересующегося местной литературой. Однако бубновские пьесы остались тогда незамеченными (как не знают их и сейчас): мы не обнаружили в нижегородской периодической печати 1900–1902 гг. ни одного отклика, хотя бы негативного, на их публикацию. Много ранее, по словам Е.Д. Бубновой из письма в редакцию «Вестника Европы» от 1872 [5], она читала одну из своих пьес (*Какую – неизвестно. – А.Т.*) «многим, и все говорили одно, что она хороша». К сожалению, определить круг этих знакомых Е.Д. Бубновой на сегодняшний день практически невозможно.

Интересно, что один из героев горьковской драмы также носит фамилию Бубнов. Что это – простое совпадение или намеренный выбор фамилии персонажа? По мнению нижегородского краеведа И.А. Макарова, Горький был знаком с Бубновыми [6, с.195]. Но документальных подтверждений тому нет...

В бубновской истории немало белых пятен, но тем она интересней для исследования. Ясно одно: творчество Е.Д. Бубновой, незаслуженно забытое, представляет научный интерес как для горьковедов, так и для всех, кого интересует нижегородский литературный процесс.

Примечания

1. Елизавета Дмитриевна Бубнова (1849–1917) с молодости увлекалась написанием драматических произведений, которые неоднократно пыталась опубликовать и поставить на сценах Императорского театра. Автор более 15 драм. Характерными признаками бубновских драм являются: 5 действий, внутренний конфликт, проблема «среды», травмирующей сознание драматического героя, гендерная проблематика, тема личной свободы.

2. До начала XX века Елизавета Дмитриевна не могла позволить себе лишних расходов, тем более типографских: весной 1880 года она становится вдовой, и на ее плечи ложится бремя хозяйственных и семейных забот, кроме того, у нее было два несовершеннолетних сына, которых нужно было поставить на ноги. В 1888 году она обращается к А.С. Гацискому с просьбой пососредоточить в передаче имени в опеку (ЦАНО ф. 765, оп. 597. ед. хр. 210). В письме Бубнова пишет, что положение ее «ужас-

но», она ничего не понимает в делах: ей приходилось вести дела гостиницы Бубновых (сейчас в этом здании гостиница Дома крестьянина на ул. Алексеевской). Однако к началу XX века ее сыновья вырастают, становятся известными корабелами (старший сын Бубновой – Иван Сергеевич Бубнов – считается отцом русского подводного флота) и весьма обеспеченными людьми. Возможно, они оказали содействие матери и оплатили типографские расходы (например, из книги заказов типографии П.А. Ржосницкого следует, что с 19 апреля по 6 мая 1900 года Бубнова отдала в печать пять пьес по 500 экз. каждая!).

3. См. об этом: Толмачева Н.Ю. Нижний Новгород и нижегородцы в ранних пьесах Максима Горького // Максим Горький – художник: проблемы, итоги и перспективы изучения. Горьковские чтения – 2000: Материалы Международной конференции. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2002. С. 267–274.

Список литературы

1. Я. Стыхарски. Возможные первообразы ночлежки Костылева; жизненные источники пьесы М. Горького «На дне» // Человек и мир в творчестве М. Горького. Горьковские чтения 2006 года.: Матер. Междунар. конф. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. С. 305–311.
2. М.И. Громова. Пьесы Горького начала XX века как аргумент в спорах о «новой драме» // Человек и мир в творчестве М. Горького. Горьковские чтения 2006 года.: Матер. Междунар. конф. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. С. 295–305.
3. Е. Бубнова. Безупречная. Драма. Нижний Новгород, 1901. 97 с.
4. М. Горький. На дне // Горький М. Собрание сочинений в шестнадцати томах. Т XV. М.: Изд-во «Правда», 1979. С. 97–165.
5. ИРЛИ, фонд 293, оп. 4, ед. хр. 6.
6. И. Макаров. Бубновы // Нижний Новгород, 1997. № 11. С. 193–201.

E.D. BUBNOVA'S PLAY «IRREPROACHABLE» AND M. GORKY'S PLAY «THE LOWER DEPTHS»: TYPOLOGICAL PROBLEMS

A.N. Talanova

The article discusses typological similarities between two literary phenomena of the early 20-th century: E. Bubnova's play «Irreproachable» and M. Gorky's play «The Lower Depths». A comparative analysis of the texts of both plays is presented.

Keywords: E. Bubnova, drama, play, «Irreproachable», M. Gorky, «The Lower Depths», typology, plot, creative impulse.